Неожиданно Ли Цзинлун, будто бы что-то вспомнив, побежал в передний зал. Там он посмотрел на Меч мудрости Ачалы. Великая дхарма Ачалы, казалось, охраняла весь мир. И внешний вид этой священной реликвии один в один совпадал с черным ржавым мечом в руках Ли Цзинлуна.

– Это великий Меч мудрости, что способен подчинять яо и уничтожать мо, – объяснил Цю Юнсы. – Ходят слухи, что в мире не существует зла, которое он бы не мог сразить.

Хунцзюнь взглянул на Ачалу, а затем на меч Ли Цзинлуна и нахмурился. Юноша думал только об одном: как этот клинок смог пробить его Пятицветный свет? Чун Мин говорил, что это сильнейший в мире барьер, который защитит даже когда гора Тай начнет рушиться.

– Если использовать это оружие по назначению, – начал утешающе Цю Юнсы, – то для вас, адъютант, если вы хотите стать экзорцистом, не имея магической энергии, это уже и не мечта вовсе. Нужно узнать, на что еще способен этот меч.

Ли Цзинлун кивнул и убрал меч в ножны. Все обменялись многозначительными взглядами. Они поняли, что вчера Ли Цзинлуну пришлось многое вытерпеть. Он ничего не говорил, и никто не спрашивал. Теперь же, если взглянуть на его нынешнее выражение лица, можно было понять, что адъютант экзорцистов приобрел некоторую уверенность в себе.

– Мы продолжим наше расследование сегодня, – сказал Ли Цзинлун. – Знайте, какие бы слухи не ходили по столице, мы исполняем свой долг, и другие нам не указ.

Все согласились. Ли Цзинлун сказал Цю Юнсы и Хунцзюню стать первой командой, А-Таю и Мо Жигэню – второй, сам же он решил действовать в одиночку. Цю Юнсы и Хунцзюнь отправятся узнавать, где живут кандидаты на государственный экзамен. А-Таю и Мо Жигэню предстояло снова посетить Пинканли и узнать о кандидатах, что недавно посещали этот квартал.

– Это точно необходимо, адъютант? – спросил А-Тай. – Почему бы сначала не придумать, как…

– Неважно, что с дворцом Дамин, – перебил его Ли Цзинлун. – Если мы скажем, что дело закрыто, я в это ни на каплю не поверю.

Все взглянули на Ли Цзинлуна, он обернулся и произнес:

– Я, конечно, не пытаюсь тут расхаживать с важным видом, но вам не кажется подозрительным то, что неожиданно нашелся иссохший труп, у которого нет имени и которого никто не ищет?

– Хорошо, – кивнул Цю Юнсы. – Мы послушаемся и проведем расследование.

– А что насчет вас? – обратился Хунцзюнь к адъютанту. – Пойдемте с нами.

– У меня есть кое-какие дела, – бросил мужчина, хмурясь.

Хунцзюнь потянул Ли Цзинлуна за рукав и сказал:

– Давайте пойдем вместе.

Ли Цзинлун тут же рыкнул:

– Не тяни! Это правительственное учреждение! Подобное поведение в высшей степени неуместно!

После он спешно покинул Отдел экзорцизма.

Полдень. Разум Хунцзюня все еще был немного затуманен, юноша лишь бесцельно следовал за Цю Юнсы, чтобы заняться расследованием. Впервые Хунцзюнь работал с кем-то другим, а не с Ли Цзинлуном. Зачем его вообще поставили в одну команду с Цю Юнсы?

Невероятно высокий Цю Юнсы держал в руках складной веер и двигался, словно ветер. Он шел, а после останавливался и ждал Хунцзюня.

– Пойдем в Императорскую академию[1], – сказал Цю Юнсы. – Ты проголодался? Давай тогда выпьем чего-нибудь и отдохнем?

[1] Императорская академия (кит. □□□) – Гоцзыцзянь, букв. «Академия сынов государства», главное высшее учебное заведение императорского Китая, ныне – музей в Пекине.

– Я не настолько ненасытный, – махнул рукой юноша. – Как можно за столь короткое время проголодаться?

– Очевидно, адъютант поставил нас вместе, чтобы мы не отлынивали от работы[2], – подумав, с улыбкой пробормотал Цю Юнсы.

[2] Отлынивали от работы (кит. □□) – заниматься посторонними делами; имеет также значение «ловить рыбу». Т.е. мы не можем ловить рыбу = мы не можем отлынивать от работы.

– Когда вы начнете ценить способности адъютанта? – со всей серьезностью поинтересовался Хунцзюнь.

Цю Юнсы от души рассмеялся.

– Адъютант прекрасный человек, просто он оказался не таким, каким мы его себе

представляли изначально. Это наша ошибка. Но… – он, передумав, убрал веер и повернулся к Хунцзюню. – А ты, Хунцзюнь, почему ты сразу поверил в него?

На мгновение юноша задумался, но все же ответил:

– Может быть, дело в Лампе сердца.

– Лампе сердца? – удивился Цю Юнсы.

Поскольку все пришли сразить главу яо, Хунцзюнь не скрывал больше правды. Он рассказал о том, как Лампа сердца попала в Ли Цзинлуна по ошибке. Цю Юнсы что-то промычал, а потом сказал:

– Значит, вот в чем дело… Неудивительно, что ты везде следуешь за ним еще с первого дня своего назначения на должность экзорциста. А мы все думали, что же с нами не так.

Хунцзюнь тут же отмахнулся, сказав, что ничего подобного не было. В это же время Цю Юнсы пробормотал: «Если у него Лампа сердца, возможно, этот человек получит то, чего он действительно желает».

Хунцзюнь почти ничего не знал о величии этого артефакта, однако Цю Юнсы разбирался в магическом оружии, а потому мог знать способ вынуть Лампу. И когда Хунцзюнь собирался спросить об этом, они уже добрались до Императорской академии. Цю Юнсы жестом показал, что сначала стоит разобраться с их расследованием.

Люди то заходили в академию, то выходили из нее. В пятый день следующего месяца пройдет императорский экзамен, так что здесь собралось более шести тысяч человек со всех уголков страны. Чем ближе был экзамен, тем строже становились меры безопасности: чтобы не допустить никаких утечек вопросов или подмен, все, кто приходил в академию, обязаны были пройти полный личный досмотр. Все книги должны были остаться за пределами академии, а каждый приходящий – иметь при себе знак Императорской академии. Стоя снаружи, Цю Юнсы и Хунцзюнь внимательно следили за снующими людьми. Цю Юнсы, затаив дыхание, ждал. Когда же у входа собралась толпа, он впихнул в нее Хунцзюня.

– Ах! Ван-сюн! Ван-сюн, подожди меня! – завопил Юнсы и, увидев проходящего мимо мужчину, пихнул Хунцзюня. – Быстро, я забыл свой знак…

У входа Юнсы, как и многих ученых, быстро обыскали.

– Где ваш знак?

– Ах, я забыл взять его с собой! Я вернусь и заберу его! – затараторил Юнсы.

Люди позади уже начали возмущаться и просили стражу поторопиться. Стражник стал терять терпение, но, ничего не найдя, все же впустил мужчину. Затем пришла очередь Хунцзюня, но ничего найдено не было. Когда он собирался идти дальше, у него спросили:

– Где ваш знак?

– Стоять! Ни у одного из вас нет знака? Ты, что впереди, стой! Вы откуда?

Хунцзюнь кашлянул, не зная, что делать. Цю Юнсы подошел к стражникам и сказал:

– Он из Ху, он не понимает вас! А знак у меня в комнате! Ах, мой знак!

– Хай ме хоу би! Мой дражайший танский друг! – рассмеялся Хунцзюнь, тут же приходя в себя.

Хунцзюнь хотел уже ступить вперед и обнять его, но ученые позади уже были готовы взорваться. Двое стражников застряли у входа, и им ничего не оставалось, кроме как пропустить Хунцзюня и Цю Юнсы.

Постоянно оглядываясь, Цю Юнсы вел Хунцзюня по боковому коридору.

– К счастью, нам удалось пробраться. Давай поищем надзирателя.

– А почему мы просто не перелезли через стену? – поинтересовался Хунцзюнь.

В представлении Хунцзюня и Императорский дворец, и дворец Дамин, и Императорская академия – все были словно ровные дороги, лишь цвет стен разный. Цю Юнсы почувствовал себя дураком после этого вопроса. Действительно, почему они просто не перелезли?

– Сила не всегда является решением всех проблем.

Когда экзорцисты добрались до комнаты надзирателя, Цю Юнсы объяснил, что ищет своих односельчан и жестом попросил Хунцзюня написать три имени. Надзиратель сообщил, что все они находятся в Т-образном здании со стороны сливового сада. Затем Цю Юнсы и Хунцзюнь вдвоем вернулись в длинный коридор, прошли через боковой зал и собирались войти в сливовый сад.

Боковой зал был построен так, чтобы каждый ученый мог прийти сюда и поговорить с товарищем за чаем. Хунцзюнь и Цю Юнсы быстро скользнули мимо него, но тут юноша неожиданно остановился и заглянул внутрь.

– Что такое? – спросил Цю Юнсы.

– Ничего…

– Доверься своему чутью, мы же здесь ведем расследование.

– Я чувствую что-то знакомое… – сказал Хунцзюнь.

– Ты можешь описать конкретнее? – Цю Юнсы искоса взглянул на юношу.

Хунцзюнь чувствовал себя, словно дома, и это настораживало. В боковом зале собралось около сорока человек разных возрастов, все они перешептывались и смеялись.

И тут какой-то молодой мужчина, склонив голову, прошел и толкнул Хунцзюня, заставив того потерять равновесие. Незнакомец мгновенно извинился, поклонившись с вытянутыми руками, а после взглянул на Хунцзюня.

Молодой ученый выглядел худым и гибким, он казался моложе Хунцзюня. Заметив беспокойство в глазах незнакомца, Хунцзюнь рассмеялся и махнул рукой, говоря тем самым ему не беспокоиться. Учёный зашел в боковой зал с улыбкой на лице, очевидно, весьма довольный собой.

Смотря на это действие, Хунцзюнь ощутил себя словно во дворце Яоцзинь. Все молодые люди там воплощали в себе разных птиц, и во всем дворце Яоцзинь царила атмосфера яо, но возвышенный и чистый характер Чун Мина превратил ее в нечто бессмертное[3].

[3] Нечто бессмертное (кит. □□□□□□)– дословно «не есть приготовленную людьми пищу»; обр. покинуть светский мир, отречься от мира, быть над материальным, свободный от мирских забот.

– Яо, – сказал Хунцзюнь.

Ничего не говоря, Цю Юнсы развернулся и вошел вместе с Хунцзюнем.

– Ты тоже это чувствуешь, да? – прошептал юноша.

– Яо буквально врезался в тебя, а ты этого даже не почувствовал?

Не существовало такого волшебного предмета, как магическое зеркало. Хунцзюнь мог чувствовать яо только с близкого расстояния. После этого двое экзорцистов зашли в зал.

– Хватит так озираться, – чинно сказал Цю Юнсы Хунцзюню и улыбнулся. – Молодой человек, здесь есть поджаренный рис. Не желаете выпить чаю?

– Да! Давай!

Хунцзюнь больше всего любил чай, приготовленный Цю Юнсы. Запекшиеся, хрустящие ароматные чайные листья, заваренные с молотыми семенами кунжута и посыпанные потом зернами проса, заставляли рот таять изнутри от мягкой и насыщенной сладости. Это лучшее, что помогало человеку освежиться.

– Притворись безобидным, каким обычно кажешься, – улыбнулся Цю Юнсы. – Осмотрись. Тот, кто не перестает на нас смотреть – яо. Дай мне знать, если заметишь что-то подобное.

Хунцзюнь кивнул и стал с любопытством чужестранца осматриваться. В боковом зале стояло несколько рядов столов, под которыми находились чайники и печки. Снаружи осень тянулась очень долго и очень раскатисто: небо то поражалось своей чистейшей синевой, то величием белых облаков, иногда проплывающих мимо. А сияющее солнце делало из этой просторной комнаты место для лености и отдыха.

Ученые наслаждались беседами. Но кто-то мельком посматривал в сторону экзорцистов.

– Некоторые здесь наблюдают за нами, – улыбнулся Хунцзюнь. – Разве не слишком много яо получается, если основываться на твоем условии?

– Это действительно логово яо, – неискренне улыбнулся мужчина. – Однако мы не можем начать действовать сейчас, иначе Императорская академия окажется в руинах. Адъютант точно расплачется.

Хунцзюнь заметил троих ученых, что весело и шутливо болтали, пока четвертый юноша из их компании кипятил воду. Никто не говорил с ним или обращал внимание на него. Выглядел этот человек очень скучающим, он повернул голову и посмотрел на двор. Через некоторое время его взгляд сместился и встретился с Хунцзюнем. Молодой человек улыбнулся ему.

В этой улыбке чувствовалось какое-то женское очарование. Сердце Хунцзюня дрогнуло, а сам он покраснел до кончиков ушей.

Хунцзюнь неловко улыбнулся, а Цю Юнсы поинтересовался:

– Что это за яо?

– Вероятно, лиса, – ответил юноша, повернувшись к своему напарнику.

Эта улыбка… Хунцзюнь ясно почувствовал эту очевидную попытку очаровать его магией.

Молодой человек и правда поднялся и направился к ним. Сев за стол, он снова улыбнулся и

сказал:

– Какой ароматный чай.

Хунцзюнь сильно удивился, но Юнсы наоборот не проявил никаких эмоций.

– Он должен еще немного покипеть, и тогда будет готов. Терпение. Как вас зовут?

– Ду Ханьцин, – ответил юноша с длинными изящными бровями[4], словно слезящимися глазами и хрупким станом. Положив руку на стол, он скользнул по лицу и груди Хунцзюня. Приблизившись, он сказал. – А вас, господа?

[4] Изящные брови (кит. □□□) – брови, как листья ивы [глаза, как косточки абрикоса]; обр. о красавице.

«Ах! Не так близко!» – подумал Хунцзюнь, когда Цю Юнсы представил их обоих.

– Цю Юнсы из Ханчжоу. А это мой кузен, Сяо Хунцзюнь. Хунцзюнь, вы с этим юным ученым должны быть одного возраста. Вы можете стать хорошими друзьями.

– Вы только приехали в столицу? – спросил Ду Ханьцин, не сводя взгляда с Хунцзюня. – Экзамен пройдет пятого дня следующего месяца.

Хунцзюнь чувствовал тревогу, зная, что его собеседник – лис из племени яо. Но прежде чем он успел об этом подумать, Цю Юнсы протянул под столом свою ногу к его и пнул Хунцзюня, даже не моргнув глазом.

Хунцзюнь не знал, что ему делать. Заглянув в глаза Ду Ханьцина, он тут же засмеялся.

Ду Ханьцин тоже не удержался от смеха.

– Сколько тебе лет? – спросил он.

Экзорцисты назвали свой возраст. Хунцзюнь оказался на два месяца старше Ду Ханьцина, поэтому последний изменил свое обращение и стал называть Хунцзюня «гэгэ». Когда их спросили, где они живут, Цю Юнсы ответил, что они поселились у родственников и пришли в академию разузнать все, а также познакомиться с другими учеными.

– Ты так молод, но все равно сдаешь государственный экзамен? – удивился Хунцзюнь. – Это же так тяжело.

Ду Ханьцин сначала рассмеялся, а потом объяснил:

– Моя семья бедна, поэтому она надеется, что я получу почетное место чиновника после экзамена.

После юноша потянулся и стал играть с перьями на нефритовой подвеске Хунцзюня, что висела у него на поясе. Хунцзюнь, испугавшись что Пятицветный свет атакует собеседника, прижал подвеску. Цю Юнсы тут же объяснил:

– Это оберег.

Ду Ханьцин кивнул. Тут кто-то позвал его, и он пошел заварить чай другим ученым, как только закипела вода.

Хунцзюнь, осматривая Ду Ханьцина, мог думать лишь о том, убивал ли он людей, и скольких, если да. Цин Сюн рассказывал, что лисицы относятся к тем яо, которые лучше всего умеют манипулировать чувствами и очаровывать людей. Лисы наиболее похожи на людей в плане проявления эмоций: счастье, гнев, радость и печаль. Но также они были самыми обиженными существами. Несмотря на явное сходство с людьми, различные проявления которого они очень ценили, физически они все еще оставались яо.

– Он вернется, – сказал Цю Юнсы Хунцзюню и всучил ему в руки белого нефритового Будду. – Отдай ему это.

– Он не подойдет.

– Ошибаешься, – вздохнул Цю Юнсы. – Ты понравился этому юноше. Это совершенно очевидно. Какое счастье, что адъютанта Ли здесь нет.

– Адъютанта? – задумался Хунцзюнь.

Ду Ханьцин действительно вернулся, как только приготовил чай. Казалось, некоторые из его друзей просто пользовались им и не считали за равного.

Хунцзюнь уставился на юношу. Лицо последнего покраснело, он с улыбкой спросил:

– Почему ты продолжаешь смотреть на меня?

– Ты действительно хорош собой, – ответил Хунцзюнь. Ему казалось, что хрупкая внешность слабой ивы[5] Ду Ханьцина действительно обладала необъяснимым очарованием.

[5] Хрупкая внешность слабой ивы (кит. □□□□) – досл. молодая ива, колеблющаяся от ветра. Отсылка на отрывок из романа Цао Сюэцяня «Сон в красном тереме». Полный отрывок выглядит так: □□□□□□□□□□□□□□□□□□, перевод у этого: «Когда покоится – словно грациозный цветок смотрится в воду, когда движется – словно молодую иву колеблет ветер». Сравнение с ивой в данном контексте означает слабость тела, но при этом нежные и женственные движения.

– Ты увлекаешься поэзией? – поинтересовался Ду Ханьцин.

– Да! – мгновенно ответил Хунцзюнь.

– И кто тебе нравится?

– Ли Бо! Он мой самый любимый поэт!

– А я предпочитаю Ван Чанлина.

Так Хунцзюнь начал с воодушевлением обсуждать поэзию. Он признал, что, несмотря на сущность яо, Ду Ханьцин неплохо разбирался в поэзии. И чем больше Хунцзюнь говорил, тем большим энтузиазмом он наполнялся. Совершенно забыв, что говорит с лисой, юноша пытался заставить собеседника признать талант Ли Бо, но вместо этого Ду Ханьцин начал чуть ли не задыхаться от ярости.

Взглянув на запад, Цю Юнсы улыбнулся и сказал:

– Пойдем?

– Я не с вами разговариваю, – ответил Ду Ханьцин.

– Как тебе вот это? – рассмеявшись, спросил Хунцзюнь.

Юноша поставил на столик нефритового Будду, подтолкнул его к Ду Ханьцину и сказал:

– Тебе же нравится нефрит, да? Я заметил, что тебе понравилась моя подвеска на поясе, но это подарок отца, поэтому я не могу просто так отдать ее тебе. Возьми вместо подвески вот это.

Хунцзюнь всегда казался невежественным, но лишь до того, как люди начинали узнавать его получше. Но, когда он начинал говорить, у него поднималось настроение и появлялась энергия. Он не мог не подружиться с Ду Ханьцином. Ду Ханьцин был очень тронут, получив статуэтку Будды. Юноша взглянул на Хунцзюня.

– Я приду к тебе завтра в гости, – сказал Ду Ханьцин.

– Что? – замер Хунцзюнь. – Не стоит.

Слишком опасно идти лисице прямо в Отдел экзорцизма.

– У нас дома слишком много родственников, – попытался исправить ситуацию Цю Юнсы. – Как насчет того, чтобы вы встретились где-то в городе?

Хунцзюнь кивнул и договорился встретиться с лисом под мостом Лишуй.

В сумерках Ли Цзинлун вышел из дома четы Фэн.

Фэн Чанцин, опираясь на трость, стоял в дверях.

– Наконец-то дело двинулось с мертвой точки, – сказал он. – Прежде ты никогда бы не смог о таком спросить.

Ли Цзинлун молчал.

– Я понимаю твои стремления, – добавил мужчина. – Просто быть чиновником при дворе – это не то, что ты думаешь. Они скрывают очевидную правду[6]. И когда ее невозможно больше скрывать, у тебя появляется шанс.

[6] Скрывать очевидную правду (кит. □□□□) – досл. обманывать начальство и утаивать от подчиненных.

– Боюсь, будет слишком поздно, когда это время придет, – сказал Ли Цзинлун.

– Для них, – начал Фэн Чанцин, – никогда не бывает слишком поздно. Иди и составь хороший план.

Все это время Ли Цзинлун хмурился. Послушав своего брата, он забеспокоился еще больше.

Смеркалось. Хунцзюнь и Цю Юнсы покидали Императорскую академию. И тут юноша вспомнил, что они не проверили троих мужчин.

– В том зале… одни превратившиеся в людей лисы-оборотни[7], – сказал Цю Юнсы.

[7] Лиса-оборотень (кит. □□) – хули-цзин, лиса-оборотень.

У Хунцзюня отвисла челюсть.

Пока Хунцзюнь увлеченно болтал с Ду Ханьцином, Цю Юнсы слушал разговоры вокруг. Когда имена говоривших достигли его ушей, он заметил кое-что еще.

– Лисы-оборотни?

– А кто еще? Какая лиса захочет потратить десяток лет на то, чтобы подготовиться к экзамену? – сказал Цю Юнсы. – Видимо, как только ученые прибыли в Чанъань, их заменили лисицы. Теперь у всех у них острые подбородки и персиковые глаза, их нетрудно распознать. Вот только раньше я об этом даже не думал.

– Но что тогда случилось с настоящим человеком? – спросил Хунцзюнь.

Цю Юнсы взглянул на юношу. Они оба вспомнили тот иссохший труп, спрятанный под кроватью Цзинь Юнь, и покрылись мурашками.

http://erolate.com/book/3616/89515